

Владимир Черногорский
Оак Баррель

Мун крекерс

Владимир Черногорский

Мун крекерс

«Издательские решения»

Черногорский В.

Мун креркерс / В. Черногорский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-508702-7

Приключенческая повесть о двух пенсионерах на просторах Вселенной. Любовь, сражения, интриги. Хорошее подспорье для начинающих предпринимателей.

ISBN 978-5-00-508702-7

© Черногорский В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Мун крекерс

Владимир Черногорский Оак Баррель

отчет засекреченной экспедиции, составленный Владимиром Черногорским и Оак Барреллем

Фотограф Анастасия Владимировна Герасимова

© Владимир Черногорский, 2019

© Оак Баррель, 2019

© Анастасия Владимировна Герасимова, фотографии, 2019

ISBN 978-5-0050-8702-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Действующие лица

Филон – монах, пенсионер

Обабков Лев Петрович – пенсионер дачник

Анатолий Борсюк – майор, начальник первого отдела

Генерал – генерал

Бахыт – сержант

Верблюд Гоша – верблюд Гоша

Бык Боря – бык Боря

Кляч – лунянин

Сестра Кляча – сестра Кляча

Бадма Сергеевич – мэр подземного города

Великий Кукун – глава поселения

Мадам Элеонора – содержательница борделя

Лягва – проститутка

Гульффик – король воров

Касеус – разумный овечий сыр с порочным мировосприятием

Стелла – бортпроводница

Глава 1

- Господин Обабков, bonsoir! Вы позволите?
- Батюшки мои! Прошу вас! Какая встреча! Рад, рад, что, наконец, заглянули. Как вы? Как матушка ваша?
- Благодарствую. Шлет поклоны. Здорова как лесная нимфа. Что ей сделается...
- Прекрасно! Входите же, что вы встали? Располагайтесь со всем удобством!
- На улице grande pluie – будто из ведра хлещет. Я вам затопчу все ковры.
- Ой уж, право! Чувствуйте себя дома. Давайте, давайте! К камину. Располагайтесь. Да снимайте плащ! Вот же мука! Мишенька, голубчик, неси нам водку! Вы не против?
- Будьте любезны. А ведь я, mon cher, к вам по такому деликатному обстоятельству...
- Уж вы только не откажите. Ваше великодушие всем известно.
- В чем же, собственно, дело? Вы знаете, я весь ваш.
- Вы только и можете мне помочь, Лев Петрович. Обещайте!
- Но, мой друг... Ежели это не в моих силах, я перед вами буду в полном конфузе. Stupideposition, как есть position stupide
- Что вы, право! Не стал бы я вас о таком просить. Есть у меня, Лев Петрович... одна знакомая...
- Ай-яй-яй, мой друг. Уж не собрались ли вы жениться?
- Сдурел, что ли?! Я-то?

Обабков дернул головой и проснулся.

– А?..

– Ты, Петрович, свои греховные сны на меня не распространяй. Все же я при сане.

Филон сидел на куске брезента, очищая перочинным ножом сосиску. За худым забором в небо уходила ракета.

– Вона, скока тепла в трубу, а тут насущную жарить не на чем, хоть траву жги, – сетовал монах, глядя вслед космонавтике, – Ой ты степь широкая, степь раздольная... Занесло же нас, ситный друг!

Обабков встал из травы, обалдело глядя на бивуак. Слева шел сетчатый в три метра забор с «колючкой», справа насколько хватало глаз золотилась степь. Напротив – монах Филон в пыльной, как чердак, рясе неодобрительно разливал в стаканы мутноватую жидкость, отдающую керосином. Теплый горьковатый сквозняк теребил выжженную траву, дул в уши, сбивал с фарватера пчел. Где-то далеко громыхало.

– Вот так сильвупле... – промямлил пенсионер, приходя в себя ото сна.

– Полное, я вам доложу, с бантом и дудкой, – поддержал монах. – На вот, себе берег.

Испей, закуси сосиской. Вижу, тебе нужнее.

В небе пыхнуло. Обабков инстинктивно пригнулся. Бодрый духом Филон лишь глянул из-под бровей:

– Разгонная отделилась. Полет нормальный.

Лев Петрович перекрестился, затем принял у монаха стакан, сосиску, выпил и закусил, не заметив вкуса. Язык будто обложили ватой.

– Что-то мне такое приснилось, Филон – будто я помещик и живу в Петербурге.

– Классовый разложенец! – отрубил монах, разливая.

– Да уж, странно, странно...

– Так, старики-разбойники! Документы есть?!

– А?..

– Чо?..

– Документы, говорю, есть у вас? Тут объект известно какой – секретный, а вы разлеглись как псы от ломоты. Проследуйте! Без вещей!

Над сухой полынью возвышался детина с загорелым лицом и кулаками фантастического калибра, коими, конечно, монаха не положить – сам с такими, а вот Льва Петровича – в бланманже с одного удара. Как только подошел незаметно, такая дылда?

– Сын мой... – начал было Филон.

– Хоть сын, хоть пращур – ты мне зубы не заговаривай! Оба встали – и пошли разом! Будем вас, деды, разъяснять. Эй, Бахыт!!! Ходьсюды!

Рядом за плоским холмиком оказалась целая команда краснознаменных во главе с сержантом Бахытом – сыном степей. С жужжанием выполз «газик», крытый брезентом, подъехал, подмигнул лампой.

– Принимай нарушителей, я пешком. Смотрите у меня! Не шалить.

– Спишь?

– Неа.

– Как мы так, а?

Обабков пожал плечами, затем понял, что его в темноте не видно, добавил тяжко:

– Хрен знает.

– Вот те и всезнающий хрен! Замели нас, как тинэйджеров после рейва.

– Чо? – не понял пенсионер.

– Закрыли, говорю, ни за что.

– А...

– И ведь как ловко подошел, ититвою, этот лейтенант! Змеей подкрался.

– Профессионал, – добавил Петрович, лишь бы что сказать.

– Во-во. Космонавты... Понастроили тут!

– Думаешь, там есть кто-нибудь?

– Где? – не понял монах. – В коридоре? Ясное дело, есть – топтун с винтовкой.

– Да не. Там, в космосе, на других планетах, есть кто?

– Как не быть? Мы же есть, а там чем хуже? – веско сказал монах, слез со шконки, подошел к двери, несильно пнул.

Послышались шаги в коридоре, отъехала железная створка:

– Что шумим?

– Чаю принеси, отрок. И свет включи. Видишь, люди солидные. Кости стыннут.

Караульный округлил рот, но ничего не ответил. Щелкнул выключателем. Пошел за чаем, стуча подметками.

На шпионов старики походили как слон на утку, гарнизон им сочувствовал, но команда прошла от главного: до выяснения, японских диверсантов держать в ежовых, и чтоб ни-ни! Почему «японских», никто не спрашивал – начальству виднее. Только шустрый на язык старшина Егоров тайно каждому сообщал, что, по всем статьям, шпионы-то польские, а командир дурак.

Выпили, молча, чаю, вернули кружки, оправались. В камере погас свет. За окошком размером с тыкву чернела все та же ночь с голубой звездой, застрявшей между решеток. Обоим казалось – минуло суток трое.

– Может, еще чаю? – спросил Петрович.

– Наглеть не станем, а то потом не дадут.

– И то верно. Спать?

– Давай.

Не успели лечь, как снова вспыхнула лампа в железной сетке. С грохотом отошел засов.

– На выход! Оба!

Старики с испугом переглянулись.

– В расход, что ли?

– Там скажут. Быстро!

Глава 2

В большой душевной комнате, куда их привели под конвоем, из мебели – только стол с вертушкой и засиженный мухами шкафчик. Ни стула, ни табуретки. На плакате, прибитом к стене гвоздями, скуластая морда, желающая примерить противогаз, с надписью: «За тридцать секунд или никогда!»

Вторая, такая же до деталей, словно с нее писали, висела над разъятым воротничком форменной рубахи с нашивкой неизвестной породы. «Воистину, если Господь захочет, что б ты умер, он выберет самый надежный, а порой и самый причудливый способ...» – едва подумал Филон, как:

– Эти, что ли? – обратилась морда к кому-то, кто, видимо, стоял за спинами арестантов, решивших не делать лишних движений.

– Эти, товарищ генерал!

Оба чуть не подскочили в штанах. Обабков испытал горячий прилив патриотизма и желание помочиться. Филон сильнее задышал в бороду.

– Вот что, значит... – морда подошла ближе. – Партии нужны добровольцы.

Повисла пауза. Арестанты соображали, как они соотносятся с партией и к каким жертвам готовы ради нее. Обабков пришел к выводу, что сочувствует, но жертвовать не намерен. Филон, всегда готовый к смертному бою, в свою очередь никак не клеился к партии. Когнитивный диссонанс, короче, первостатейный.

– Амнистия. Ящик тушенки. Государственная награда, – продолжила морда, прибив арестантов взглядом.

– Ну а если...

– Барак на Новой земле. Тюленей дрессировать. Пожизненно.

– Когда?

– Через два часа.

– Готовы, – враз ответили добровольцы.

– Караульный! Веди говнюков к майору, на инструктаж.

У товарища майора болел зуб.

Точнее, – ныл. Болеть он не мог, так как его удалили еще до призыва в ряды вооруженных сил. С тех пор зловредный премоляр напоминал о себе в самые неподходящие моменты и без того нелегкой службы выпускника артиллерийского училища. Собственно, из-за него – гаде-ныша – лейтенанта Анатолия Барсюка и перевели на кадровую работу. «На хрена мне такой наводчик?! – взревел комбат, увидев на тренировочных стрельбах молодого офицера с укутанной в старушечий платок щекой, – То косоглазого пришлют, – молотит все подряд, то еврея... Армия вам не зоопарк!»

Медкомиссия, не найдя «болючей» улики, квалифицировала случай как «воспаление хитрости» и рекомендовала Толика в органы. Но и там молодой офицер надолго не задержался. Проработав нелегалом около двух лет, мистер Анатолий примелькался в среде дантистов – его выдавали топорные металлические коронки – и начальство было вынуждено отозвать подающего надежды – «хитрожопого» – разведчика.

Уже в звании капитана, Барсюк отыгрался на военном космодроме. Вечно кислая рожа руководителя спецотдела №13 как нельзя лучше подходила на роль вершителя судеб кандидатов в отряд астронавтов.

Он бы прополоскал рот заваренным супругой шалфеем, но жена год как сбежала с командировочным из Центра. Анальгин не помогал, а вызывал лишь омерзительную изжогу. При-

чем, настолько сопоставимую с его отношением к служебным обязанностям, что любой студент медик мог приписать им общий генезис.

К тому же Центр на говно исходил – вынь да положь утерянный спутник! А где его взять, ежели по сообщениям зарубежной прессы он, хайли лайкли, сбит эффективным (когда не надо) френдли файером. Шоб им там всем повывлазило! Не могут одного задрипанного ученого расколоть. Куда катимся...

В дверь кабинета постучали. Конвой привел захваченных стариков. Выглядели будущие покорители Вселенной, прямо скажем, неважно. Ночь, проведенная на гарнизонной гауптвахте в обнимку с клопами, энтузиазму пенсионерам не прибавила.

– Присаживайтесь, – как мог ласково, скомандовал майор.

Субъект, назвавшийся монахом Филоном, осенил крестом единственный – привинченный к полу – табурет и похоронил предмет мебели под складками несвежей рясы.

Чиркнув спичкой по макушке вождя мирового пролетариата, майор зачитал ранее приготовленный спич.

– Кем вы допрежь были? Ни кем. Что в жизни видели? Корзинку огурцов да этикетку от виски Белая Лошадь. Какие подвиги совершили, не считая проезд зайцем на подножке трамвая? Молчите? Потому что и похвалиться нечем. Разве что хилым студенческим триппером. Огорчили родину-мать. Ой, как огорчили! Но, на то она и мать, что зла на вас – детей неразумных – не держит.

Пепел от папиросы Казбек предательски упал на текст.

– ... А зря... – раздосадованный служака заполнил экспромтом образовавшуюся дыру, – кх, не держит. Не держит и предлагает шанс реабилитироваться. Причем, абсолютно даром. За казенные, таксаять, харчи. На Луну вы и так полетите, – куда вы на хрен денетесь – однако...

В этот момент вырванный зуб ощерился нескрываемым садизмом. Он бросил нить, зато принялся дергать, будто пыжился вытянуть из майора все нервные окончания.

– Болит? – участливо поинтересовался Филон, – Зуб?

– Ааа – промычал бедолага.

– Бывает, – монах с облегчением устроился поудобнее, – у подъячихи, коя славилась на всю округу секретом браги на еловых шишках, годам к восьмидесяти зуб мудрости прорезался. Так, подлец, мучительно резался, что бабка не выдержала и зарубила мужа топором. Отпустило.

Лев Петрович Обабков ойкнул и почернел лицом. Майор, наоборот, просветлел, огляделся по сторонам и расстегнул кобуру.

За пенсионеров неожиданно вступился обсеренный бюстик:

– Эко вы, товарищ, хватили! Ставите личные интересы впереди государственных? Партбилет надоел? Мне, вот, всю лысину расцарапали, а я терплю. Потому, душою за дело болею. Носитесь со своим премоляром, словно гимназистка с прыщами! Перед товарищами не стыдно? А вы, господа, состоите?

Теряясь в догадках, что имел в виду Предводитель, друзья скорчили гримасы, которые могли быть истолкованы в диапазоне от «обижаете!» до «всегда готов!»

– Ну, и ладушки, – подобрел бюстик, – продолжайте беседу.

Напуганный майор дернулся закурить, но вовремя остерегся.

– Виноват. Учту. Искуплю. И врагов порву, как... – офицер схватил для наглядности исписанный листок, – как Тузик грелку.

Обрывки речи усеяли пол, символизируя кончину казенщины и преданность партийной дисциплине.

– Граждане пенсионеры, ежели до Луны все-таки долетите, Христом богом прошу, посмотрите, не заваялся ли где наш секретный летательный аппарат – такой шарик с рожками.

– А коли там много таких, – «с рожками»? – прервал рассудительный Филон, – Все брать?

– Нее. Все без надобности. В футбол, что ли ими играть? Только наш. Секретный.

– Какие, мил человек, особенные черты у него? – не унимался монах, – Как отличить от сородичей?

Офицер перешел на шепот:

– Во-первых, наши спутники круглее, во-вторых, их там должно быть больше. А в том, который мы ищем, собака зарыта. Другой информацией не располагаю, – не положено.

Бюстик хитро подмигнул, мол, херушки, – не положено.

Груженные ответственным заданием, арестанты вернулись в камеру.

– Все у них через жопу, – разгневанный донельзя Филон энергично орудовал ложкой. Перловка (по-солдатски – шрапнель) лихо уворачивалась, а в случае неудачи, норовила попасть не в то горло, – Сначала потеряют, неизвестно что, потом ищут, неизвестно где. Ты, Петрович, ешь, не стесняйся. Может, в последний раз... Эх, не таким я представлял ужин перед казнью. Этой бы кашей ракеты заправлять!

Глава 3

К вечеру прямо из камеры обоих вывели на какой-то плац, освещенный тусклыми фонарями, под прицелом посадили в автобус и еще раз предупредили на счет последствий.

«Пазик» крикнул, зашелестел по бетонке и минут за десять доставил «добровольцев» к ангару, где их принудили раздеться, щедро обтерли каждого спиртом, приснули чем-то в глотку и выдали облегающее белье самого пакостного фасона. Филон под нос матерился, глядя на обтянутый комбинезоном живот, и нервно чесал в паху. Петрович смиренно поправлял ляжки, стараясь не скovyрнуться на нервной почве. Оба, как раки на зимовье, таращили глаза, переживали и только что не свистели.

Толстая фельдшерица, ароматизированная «Красной Москвой» и папиросным дымком, смилостивилась, дала по глоточку спирта, кивнула ободряюще тремя подбородками.

Суровый молодец в робе припер скафандры, подвешенные к дуге тележки, какие возят швейцары в гранд отелях, салютнул и сгинул за мерзкого вида ширмой. Не назвавшийся капитан с пропитым лицом кивнул, бросил: «Начинай!» – и ушел курить.

– Сюда ноги суй, туда руки! Ну-ка, ну-ка, давай, давай... Во! Молодцом, батя! Хоть сейчас под венец, – похвалил пенсионера юный сержант, довольный как Обабков разместился в скафандре.

С монахом вышла заминка.

– Здоровый он, не впихнем.

Капитан стал мрачней гриба.

– Что ж ему, так лететь?

Сержант, молча, пожал плечами.

Капитан задумался, повертел в носу, крикнул в прилепленную у входа будку с прыщавой девушкой в униформе, хихикавшей, глядя на происходящие сборы:

– Маська, хватит ржать! Дай первого! Срочно!

И уже в трубку:

– Товарищ генерал! Разрешите? Нештатная ситуация: с бородой который, здоровый злыдень такой, в скафандр не лезет. Крупноват, товарищ генерал. Да. Не могу знать. Может... Да, понял вас. Так точно. Разрешите исполнять?

– Ну чего?

– Так грузи, сержант...

Грохот раскатился по степи, вспугнул птиц до самого Иртыша. Огромный косматый факел поднялся в небо, пробил дыру в туче, лег в дрейф, а затем погас, умалившись до светляка. К вдавленному в кресло Обабкову вернулся дар речи:

– Ыгм?

«Степной алмаз! Как полет? Прием!»

Филон заерзал в кресле, лоя лапами микрофон, болтавшийся в невесомости.

– Зае... Ироды... Двенадцать минут! Полет нормальный!

«Второй пилот! Подтвердите! Прием!»

– Ыгм!

«Принял! Подтверждаю! Счастливого пути, ребята!»

– Ребята, вашу-то мать... Ты как, Петрович?

Над приборной панелью парила борода, заслоняя кнопки. Над нею – массивный крест и широкое как бубен лицо монаха.

– Фило-о-он...

– Сам знаю, что Филон. Дышишь? – монах постучал костяшкой по стеклу напротив носа пенсионера. Тот кивнул, что не так-то просто с банкой на голове.

– Вот и молодец. Спи, Петрович, не скоро еще приедем. Следующая остановка – Тверь.

Космический челнок ничем не напоминал ракету с благородными очертаниями – скорее старинную ванну с четырьмя лапами, брошенную с верхнего этажа разъяренной дамой, уличившей мужа в измене с племянницей.

Петрович, которого, наконец, перестало тошнить, как последнюю сволочь у стриптиз-клуба, начал ерзать в скафандре.

– Филон, пособи, а?..

Стянутый с пенсионера скафандр занял половину отсека. Его кое-как умяли, прибив ногами к полу. Шлем с укоризной косился из-под панели.

Шли вторые сутки полета. Петрович мучился поясницей и перспективами. Земля за иллюминатором висела синим блином – далекий шарик в бескрайнем космосе. Где на ней Самара, а где Анапа, было не ясно. Зато Луна стала гораздо ближе и больше.

За 120 минут влюбленные успевают пожениться, сделать детей и пиццу, харизматичные правители – объявить войну соседу, перемирие и начало затяжных праздников, а сноровистый интендант гарнизона ограничился короткой фразой: «И так сойдет». В итоге НЗ выдали на «соседний рейс», которым Тузик с Шариком намыливались на Марс, – полмешка «Педигри» и до белизны вываренная кость, утратившая питательную ценность и запах («Что б мебель в космолете не грызли, сукины дети!»).

– ...молоко, непременно парное, вечерней дойки. Важно! —молочница должна быть миловидна лицом, статна фигурой, опрятна туалетом и помыслами. Помните, юноша: сублимированные продукты порождают сублимированные чувства, – монах отобрал у Петровича пакетик с собачьими гранулами.

– Интересно, се-ли-ни – это научное название или военный шифр? – Петрович листал журнальчик с надписью на обложке: «Все, что вам нужно знать для успешного космического полета (чайник эдишн, на шести языках с картинками)».

Бывавший на Афоне монах прервал гастрономический эскапад:

– Луна это по-гречански. Стало быть, туда и летим. Вишь, иллюминатор заволокло, только ее и видать. Пустыня, я слышал, совершенная... Где колени преклонить православному? А порты стирать? Что скаж, Петрович?

– Все ты о портомойне! Помолишься, чай, у любого камня – ты и дома через раз на службу ходил... Что делать-то нам на Луне на этой, Филон? Как нас угораздило, а? Будто помутнение какое-то...

– Не помутнение, а приказ начальства, – ворчливо отозвался монах.

– Один хрен!

– Соглашусь.

– Лысого бы он нас на Новую землю отправил... – пробурчал Обабков, сознавая антисоветским нутром, что отправил бы, как раз плюнуть.

Из путеводителя – он же полетная карта – явствовало лишь то, что «пункт назначения расположен от пункта отправления на значительном расстоянии». На конечную точку – одни намеки. Правда, на вкладках кое-где были изображены смешные человечки – некоторые с рас-

топыренными руками, но большинство прикрывало ими срам на манер футбольной стенки перед штрафным ударом.

Пиктограммы расшифровке не поддавались, как положено секретному документу.

– Раз, два... – Филон считал количество пальцев у босых аборигенов, – У этого не хватает одного, у того – трех, а у крайнего вовсе пять на все конечности разом. Раскольником буду, ежели сие не есть тайное послание живым организмам! У тебя в школе по физике какая оценка была?

«Причем тут физика? – подумал пенсионер. – Скорее, арифметика. Впрочем, какая разница!»

– Тройка. И по химии тоже. Я кушать хочу, Филон.

Земная сосиска давно переварилась в утробе подмосковного дачника. Тюремный холостой чай изошел на аппарат регенерации воды. Но, несмотря на туманные перспективы, аппетит требовал жертвоприношений, и солидная размерами фигура спутника подходила нельзя как лучше.

– Каннибализм оставим на крайний случай, – за долгие годы мытарств монах приспособился читать чужие мысли.

Обабков поперхнулся слюной, изобразил зашитый рот и нацарапал ногтем на планшете: «Тсс. Нас пишат».

Многое повидал на своем веку верблюд Гоша, – чай не в столичном зоопарке печенью кланчил. Но что бы так пили...

При одном воспоминании корабль пустыни ощутил приступ тошноты. «Ну ладно я – двугорбый, а эти то, эти, куда в них столько влезает? Уму непостижимо». Он попытался восстановить хронологию событий:

1. Родился... – впрочем, это неважно
2. Детство/отрочество пропускаем
3. Приезд космонавтов
4. Торжественная встреча
5. Концерт художественной самодеятельности
6. Банкет
7. Банкет
8. Банкет
9. Три ходки в штабную юрту за добавкой
10. Банкет
11. Обзорная экскурсия по окрестностям
12. Банкет
13. Три ходки в гримерку за девками
14. Катание космонавтов
15. Катание девок
16. Катание космонавтов с девками
17. Банкет
18. Развоз руководящих сотрудников по юртам:
 - А) первый пошел
 - В) второй пошел
 - С) третий...

Дальнейшее представлялось смутно. Болел горб, саднили колени, першило в горле и... под хвостом.

Помнил, как мчался с оборванной уздой по степи. Словно вольный ветер. Словно стрела без должного оперения. Как, поскользнувшись на шкурке наркомовского банана, воспарил к небесам. Ни тени сожаления! Ни грамма отчаяния! Только он и звезды. Не те, что осыпают погоны и головы влюбленных, но маячки внеземных цивилизаций. И бродит среди них его волоокая верблюдица, и он непременно ее найдет. Так он летел, пока не выдохся, и, казалось, расплата за мечту неминуема. Однако Вселенная распахнула объятия и бросила Гоше спасительный круг в виде первого попавшего ей на глаза летательного аппарата. Чудом инженерной мысли оказалось архи секретное изделие номер 2*М (модернизированное) с отвисшими по всей длине усами-антеннами и стариками-космонавтами, которые тщетно пытались употребить новодел по прямому назначению.

Верблюд заарканил уздой космолет и продолжил путь зайцем.

При подлете к Луне Гоше удалось перетереть волосяной аркан желтыми от многолетнего жевания дурман-травы зубами, и точка приземления пришлось не менее чем за дюжину верст от той, где высадились официальные астронавты. Первые дни – социопат поневоле – он бродил, прикинувшись сутулым сурикатом. Через неделю пришло осознание, что будь ты самым распоследним из семейства мангустовых, но принимать пищу хотя бы иногда просто необходимо. Меню на незнакомой планете разнообразием не баловало: пустая тара да мерзкие слизняки под завалами камней. Улитками Гоша брезговал, ибо считал их порождением загнивающего капитализма. «Приспособленцы, мать вашу!» – верблюд давил извращения «высокой кухни» натруженным копытом, не забывая сплевывать через плечо: «Чур меня, чур». Изредка удавалось найти выброшенную в иллюминатор банку из-под Пепси-Колы и тогда, сгорая от стыда, он хоронился от посторонних глаз и тянул остатки коричневой жидкости с горячностью гостиничного пылесоса. Значительно чаще попадались невзрачные бутылки-арестанты, с этикетками №13**, №15**, 777**. «Домом пахнут» – Гоша хлюпал носом и мочился под себя.

*В СССР презервативы называли «Резиновое изделие №2» так как №2 – это указание размера – Фактрум

**марки дешевого отечественного портвейна

Глава 4

Едва не наскочив на зубастый гребень, капсула с inferнальным треском влетела в ущелье. Все, чем природа наделила старых товарищей, включая мысли, смешалось в занятный фарш. К этому Филон налетел на главную пипку радиостанции, за каким-то хреном высунутую наружу ее конструктором – почетным выпускником «Бауманки» Кацелборгеном, которого так некстати бросила темпераментная супруга в разгар рабочего дня. Пипка отломилась под натиском православного богатыря, оставив космонавтов без главного передатчика.

Какое-то время капсула скользила, как таз с пригорка, восемнадцать раз кувыркнулась, достигнув совершеннолетия в этом деле, а затем остановилась, наткнувшись на большой камень. Космонавты, жизнь которых спасла лишь низкая гравитация и болтавшийся без дела скафандр, настороженно прислушивались к шипению под обшивкой и собственным битым ребрам.

Первым восстал из праха Обабков, констатировав очевидное:

– Приехали.

Филон открыл один глаз и перекрестился, сбив локтем пипку с резервной рации:

– Прости, Господи, но я скажу...

После чего сказал. Обабков лишь согласно кивнул.

В тусклом свете осмотрели себя. Одежда – срам. Тело – в ссадинах. За иллюминатором – хрен поймешь чего.

– Хорошо, хоть рясу я утаил от нелюдей этих краснознаменных. Сунул вместо противогазов.

Атмосферу капсулы забило облако пыли и едкой дегтярной дряни, которой Филон отпугивал насекомых.

Кое-как нашарив задвижку люка, высунулись наружу. Вдохнули, попробовали на зуб и на язык воздух, подпорченный смолистым запахом рясы.

– Не хуже Капотни, – заключил Филон.

Петрович с ним согласился.

Выскребли из ящика аварийную оранжевую палатку, разгребли камни, поставили кое-как. Обабков выкурил папиросу, хотя обещал соседке никогда больше. Но Клава Андреевна была далеко, срамить его было некому. От нахлынувшего чувства свободы Петрович, достал вторую.

– О! Глянь! Это что за перец?

Филон, правый глаз которого заплыл перезрелой сливой, левым был зорче сокола: за камнем, переминаясь, стоял зеленый гуманоид в драных штанах и смотрел, не шевелясь, на пришельцев.

– Слышь, отрок, где у вас бакалея тут? Котелок надо справить! Или свой дашь? – спросил монах у аборигена несколько фамильярно.

Тот лишь дернул зеленой, как крапива, щекой и пожал плечами.

– А нету, так вали на хрен!

Зеленый шмыгнул за камень, только рожа торчала. Петрович посветил на него фонариком.

– Что ты его шпыняешь? – заступился пенсионер. – Нормальный, вроде... мужик. Да? Жадный или дурак... Но это от воспитания. Может, дефицит у них тут? Полный соцреализм?

– Дубина он! Нормальный бы мужик уже два раза сбежал и за третьей сына послал. Эй, ты как? Фирштейн-фуршет? Дас-морнинг-гут?

– Глокк-глокк, – непонятно отозвался пришелец, бегая глазами перед собой, будто посеял запонку.

– Вот, и я говорю: трапезничать пора, а котла-то нет! Как мне, по-твоему – в ладошках кашу варить? Где бакалея, я тебя спрашиваю, лишенец?!

Петрович между тем взял рюкзак, сунул в него руки по локоть и вытащил какую-то железяку с багряной кнопкой, похожую на воронку.

– Может, в этом как-нибудь? Где наша не пропадала?

– Это ж плазменный движок, секретная вещь! Клади обратно и не свети, стырят. У протоирея была такая в сарае – табак сушить. Мощная дура! Один залез лапой – год без ногтей ходил.

– Вот что ты за человек, Филон? Всякую инициативу на корню губишь. И ляды точишь, о чем ни попадя, только не за суть! Ногти, протоирей, табак... Уж ты мне прости, грешному, старый товарищ скажет – выслушай без обиды: хуже горькой редьки с тобой. Хоть на Луну беги!

Филон степенно почесал в бороде.

– Можно и на Луну, дело хозяйское. Только по разумению, мы там и есть. Так что позиция твоя хуже кизяка в дождливую ночь – вони много, горенья мало, Петрович. К слову скажу, был у нас в обители, в середине шестидесятых случай...

Зеленый смылся за камень. Расщелину окатил вой.

– Чего это он?

– А того. Треп твой даже марсианина доведет. Только я, похоже, во всей вселенной такого уродился терпения, что слушаю тебя и не дохну. Жрать-то будем мы, наконец, хоть собачий корм?!

– Да будем, будем... Давай ее сюда, ладно уж.

– Чего?

– Плазменную хреновину эту. Только бы с напором не переборщить. И руки, уж как я тебя прошу, не засовывай в нее, ладно? Закипит – ложечкой, ложечкой помешивай с краев, Петрович, а то сам знаешь...

Зеленый между тем умотал.

– Хрен с ним, завтра изловим, – буркнул Филон, выкручивая шпиндель на плазменной установке.

Обабков насыпал в воронку две горсти собачьих шариков.

Выспавшись кое-как, выбравшись из расщелины и не обнаружив ничего, кроме освещенных Солнцем камней, товарищи-астронавты пошли по истончавшейся цепочке следов, оставленных каким-то четвероногим, которая вела к похожей на тарелку долине, окруженной скалами. Скоро они оказались на склоне одной из них, удивляясь штению и абсолютно черному небу с блестками. Место, по земным меркам, так себе. Зато оба нисколько не запыхались.

У дачников, подобно ослам и мулам, развита способность находить наилучший спуск. Монах уступил инстинктам Обабкова и пошел за ним, стараясь не поскользнуться на теплом гравии, то и дело ругаясь себе под нос на космическое начальство, устроившее им непрошенную экскурсию.

– Слушай, Филон, а тебе лет сколько? – спросил Петрович, пиная камешек. Тот, куврякаясь на фоне неба, отлетел на добрую сотню метров.

Монах задумался, провожая его глазами. В голове сама собой всплыла фраза: «Годы, проведенные в условиях пониженной гравитации...» – не епископальная и к делу не относящаяся.

– Не меньше семи десятков Господь отмерил, – уклончиво ответил монах, не помнивший, чтобы со времен переписи в пятьдесят девятом его спрашивали о возрасте. Сколько же ему тогда было? Этого он тоже не помнил.

Филон был сед, увесист и крепок не токмо духом. Однажды, надев на плечи, пронес колокол три версты по весенней хляби, распевая по пути ирмосы. За что был награжден настоятелем днями отдыха – по одному за версту, и добавкой перловой каши.

– А по гороскопу ты кто?

– По чему? – не понял монах, чуждый суеверий и бульварных газет. – Чего это ты вообще про годы заговорил? Сажень за околицу, уже по дому скучаешь?

Петрович, знавший свой возраст с точностью незамужней паспортистки, действительно заскучавший, глядя на голубой с завитками шар, где оставил родную дачу, не успел ответить.

– Глянь! Чегой-то там?

В раскинувшейся под ними долине возникло странное мельтешение. Взлетело облачко пыли – если бы не голый пейзаж, его бы и не заметить.

– Так-так... Нешто поселение у них...

Филон протер глаза кулаками и окинул взглядом просторы. По ним, раскиданные квадратно-гнездовым способом, лежали круглые бляхи, напоминавшие канализационные люки. Сотни три, не меньше. Одна, оказавшаяся прямо на скале рядом, вдруг поднялась, явив зеленую глазастую голову, и тут же с хлопком закрылась.

– Ух ты! – вырвалось у Обабкова.

– Я тебе попрячусь, каналья! – крикнул сзади Филон, вскинув бороду. – Прости, Господи... Ну ты даешь, Петрович! Впередсмотрящий, твою-то медь! Чуть не наступили.

– М-да... А туземцы-то в норах живут, по ходу, – Обабкову вспомнились семьи сусликов в казахской степи, имевших такие же предпочтения. – Странно, не по-людски как-то...

– Язычники, – согласно кивнул Филон. – Вон еще один!

Другой люк поднялся и опустился тем же манером шагах в семи.

– Может это у них предприятие какое-нибудь секретное? Ихний «почтовый ящик»?

– Секре-е-етное?... – монах сунул четки в карман и закатал рукава, будто готовясь к драке. – Быстрота и натиск, как говориться... Давай-ка, Петрович, где наша не пропадала – теплыми возьмем на ура. Хошь не хошь, комдиву что-то надо докладывать, сукину пасынку. Все же мы не туристы, но представители великой державы.

Постучав пяткой в ближайший люк, Филон подобрал ряску и сел на корточки, выжидая.

Вскоре раздался глухой щелчок, будто от оконного шпингалета.

Стоило люку чуть приподняться, между ним и железным ободом встряла поношенная сандалия, выпущенная уральским танкостроительным по программе конверсии производства. Неудивительно, что своей формой и свойствами она недалеко ушла от привычного заводчанам ассортимента, разве не стреляла прямой наводкой.

– Петрович, задирай крышку! Сейчас мы это логово разьясим!

Руки дачников не уступят в крепости и сноровке крутейшей драге на слиянии Юкона и Клондайка. Петрович с легкостью вырвал люк из лапок местного жителя, который, потерпев поражение, с визгом исчез в колодце. Поле битвы осталось за немолодыми землянами.

Раскрасневшийся и гордый собой Петрович оценивающе посмотрел на коллегу, застегивавшего ремешок сандалии.

– Ты как, пролезешь?

– С Божьей помощью, как-нибудь... Глянь, лестница-то там е?

Петрович посмотрел вниз.

– Имеется. Жиденькая, но все ж. Дно, интересно, глубоко у них?.. Сосед по даче, помню, бурил до артезианских – весь участок перемесил. Метров на трехстах только добурился. По деньгам вышло, как на Луну слетать.

Во вскрытый военной хитростью колодец полетел камень. Стука не было, зато внизу кто-то квакнул.

– Не, не глубоко вроде...

– Тогда давай. Фонариком свети между ног. Будут стрелять – кричи.

Через несколько минут с матами и упреками, далеко разносившимися в тоннелях, оба достигли дна.

С характерным для новогоднего шампанского «чпок!» зеленый, прятанный в тени, повис над осклизлым полом, схваченный суровой лапой монаха.

– Сволочь ты, борода! Мог бы просто позвать.

– Поговори мне, скотина зеленая! Где ракетная установка?!

– Здравствуйте, уважаемый местный житель... – Петрович попытался загладить нарастающий конфликт. – Сильвупле нихао!

– Чего ты с ним по-китайски?.. – Филон помахал человечком в воздухе для наглядности. – Вишь, он по-нашему ругается. Американский шпион. Засланный.

Лунатик невозмутимо скрестил руки на впалой груди, зачем-то пошевелил большими пальцами ног, видимо, остался удовлетворенным и членораздельно добавил:

– Я и по-немецки могу... Ду бис швайне*.

– Нет, ты посмотри, а! Я из тебя дурь-то вытрясу! – вскипел монах, выкатывая глаза.

Через десяток энергичных встряхиваний на пол вывалилась горсть жетонов, ржавый ключ, предмет вроде зажигалки и череда проклятий, самое приличное из которых уложило бы на лопатки старого боцмана с затонувшего в одесском порту буксира «Красный пролетарий».

– Тертый калач, – заценил Филон, неожиданно подобрев. Монах симпатизировал сильным личностям. – Уважаю. Слышь, продувная харя, где тут у вас гальюн, что ли?

– И администрация, – встрял Петрович. – Нам командировочное отметить.

– Повезло вам, – отпущенный лунатик присел на корточки, собирая с пола имущество. – Я есть особо уполномоченный по встречам-проводам иностранцев. А гальюн у нас под любым камнем, где нужда застанет. Милости просим.

Друзья, отлучившись за поворот стены, впервые с момента взлета почувствовали себя как дома.

– За мной давайте, а то заблудитесь. Давайте, что ли, знакомиться? Кляч, – местный обнажил в широкой улыбке беззубый рот – точь-в-точь расщелина, из которой друзья недавно выбрались.

– Старший астронавт, товарищ Эф, – монах незаметно пнул ногой Петровича. – А энтот, мой заместитель – товарищ Пе. Прибыли по заданию, так что, не мешкая, веди до главного. Главный есть у вас? Али анархируете по-черному? Даром, что зеленые...

– Шибко скорый ты, как я погляжу, – лунатик приставил к глазу продолговатый предмет.

Монах почувствовал себя неуютно, будто под прицелом. Последний раз он испытывал подобное ощущение на призывной медкомиссии в славном городе N, где цветет махровая сирень и такая же – пышная – антисоветчина. Два метеорита трижды благополучно разминулись на узкой орбите в созвездии Рыбы, но экзаменатор явно не торопился с окончательными выводами.

– Заснул, что ли, идол? – не выдержал Филон.

Странный предмет пыхнул красным, пискнул и слегка посветлел.

– Н-да, – скривился экзаменатор. – Все у вас там такие вот грубияны?

– Кроме товарища капитана, – вступился за начальство Петрович. – Нельзя ли ускорить процесс дознания? Очень кушать хочется.

При этих словах прибор загорелся зеленым.

– Детектор лжи, – пояснил лунатик и уважительно погладил девайс. – Так и быть, отведу.

– Дерьмо прибор, – шепнул в ухо товарищу Филон. – На капитане облажался.

*вы свинья (нем)

Глава 5

Гуськом, вслед за охальником-проводятым, интернациональная троица прошла за первый кордон – ржавую калитку из сетки-рабицы. За ней на прилепленной к стене полке стояли мятый чайник и кружка – инвентарь Кляча, бывшего, как поняли из рассказа, из касты сторожей-ваятелей. Ваять они давно разучились, только сторожили, что ни придется, но гордости родовой не утратили. Был у касты даже свой герб в виде кирпича в круге.

После краткой лекции пошли дальше по узкому коридору, запинаясь о трещины в полу. Издали колонна походила на слепых богомольцев.

За очередным поворотом перед ними распахнулось пространство. Филон подумал, что они вдруг вышли наружу, однако ноздри не наполнились лунной свежестью, а скорее наоборот – *stinks to high heaven*, как говорят англичане, заслышав фетор в амбаре. Звуки будто о крышку бака бились о закопченный провисший облаком потолок, накрывавший широкую и гулкую шахту.

– Верхний уровень, – заявил туземец, оглядываясь к монаху. – Засада... жопа... как это по-вашему... трущобы. Ага. Осторожнее наступай, у края скользко, как в общественном туалете. Вот, держи на всякий веревочку.

Монах с дачником осторожно подошли к краю, который, будто нитьем смазанный, еще и подозрительно кренился – того и гляди, сорвешься.

По потолку и противоположной стене метрах в двухстах от них бегали неясные отсветы. Плотный звуковой фон, когда ухо к нему привыкло, разделился на гурт истеричных криков, сплетенных плотно и неразрывно, как шерсть на заду козы, и раскатистый мерный грохот – где-то там, в глубине скалы работали механизмы.

– Ну же, шевели булками! – подбодрил туземец. – К пахану далеко идти. Я в экскурсоводы не нанимался. У меня смена кончается.

– Не шали! Мы люди степенные, – осадил наглеца монах.

– Ага, – поддакнул Обабков, пятясь от края, за которым творилось что-то неладное. – Может, ну его, а? Филон? В рапорте напишем, что проникли на территорию, то да сё... Завидев пограничников, приняли неравный бой, сбили вражеский вертолет, спасли старушку из пожара и отошли, не теряя строя... на заранее подготовленные позиции? – и уже туземцу: – Да не суетись ты, погодь! В глаз дам!

Зеленорожий потрогал свежий саднивший бланш, натекший от брошенного в колодец булыжника. Рассудил, что второй – слишком за один вечер даже для профессии сторожа. Встал в сторонке, заткнулся, понял, что щуплый старикан на пределе.

– Не, ну как-то... – видно было, что монаху самому не особо хочется лезть в инопланетный гадюшник, однако что-то его точило. – А когда еще, друже? Старые мы с тобой, другого раза не будет.

– Так и слава Богу! – возрадовался Обабков.

Филон заломил свое:

– Ну представь, сидишь ты на закате на своей даче посередине кабачков, мухи-бабочки, магнитола, кушаешь настойку под шашлычок... Скукота! Нет места подвигу!

– Знаешь, Филон, ты уж мне прости, но обрисовал ты в своей бородатой башке самое оно. Еще и шашлычком подманил! Ну чем тебе, жаба ты чернорылая, плохо посередине кабачков? С настойкой? Киркоров поет. Птички. Мухи ему не угодили! Да хоть бы и мухи! Они, может, мне морковь опыляют! Одумайся, Филон! Ты же умный мужик, не кооператор какой-нибудь. Сердце, сердце свое спроси – оно-то никак не врет: сам ведь хочешь тихого жития.

Монах насупился, пожевал губами и молвил так:

– Идем, Петрович. Дело решенное. Космос – это судьба.

Обойдя выступающую колонну, все трое нырнули в узкий почти вертикальный лаз с частым гребешком ступенек. Филон, матерясь на четырех языках, хорошенько протер его стены рясой. В конце лаза оказалось препятствие.

На пяточке размером с вагонный тамбур прямо на полу, скрестив тощие руки-ноги, сидело унылое пыльно-серое существо, которое в земной обстановке можно было спутать с корягой. Существо, между тем, заведовало сработанной на совесть проходной-вертушкой, находясь под ее защитой на расстоянии, так что даже Филон своими ручищами не смог бы до него дотянуться, разве чем-то кинуть. На стене над головой существа под мигающей сороковкой висел тот самый «кирпич», который знает и ненавидит все человечество, кроме ГИБДД.

Кляч постучал ногтем по поручню.

Прошло не меньше минуты, пока вахтер неспешно приподнял веки, посмотрел мутным взглядом на визитеров и снова закрыл глаза, будто дремлый кот.

Кляч вздохнул, помялся, затравленно глянул на астронавтов и сызнова постучал, что-то проскулив через прутья. Вахтер никак не отреагировал.

– Что еще за паскудство? Он там что, издох?! – не вытерпел Обабков, в голове у которого кипело, как в паровозном котле.

Филон, напротив, наоравшись вдоволь, впал в философское расположение духа, даже в некое благодушие. Сняв со спины рюкзак, он вытащил из него флягу и кусок утаенной под рясой «краковской».

– Отведай. Да не ты, олух! Держи, Петрович, подкрепи силы. Контрабанда. На себе вывез.

– Мы тут что, на пожрать пришли?! – возмутился дачник, но колбасу принял, выбрав больший кусок.

– Что глядишь, зеленый? Али пропуск забыл у бабы? Иди к решетке, тормози этого засранца. И то, не до зимы же нам торчать. Думаешь, зима бывает у них, Петрович?

– Бывает, едрить твою в пересылку! – огрызнулся Кляч, в сущности ни в чем не виновный. Затем принялся и расстроился пуще прежнего, – Угораздило связаться с нищесбродами.

От переживаний проводник весьма продвинулся в русском. Затем достал из кармана медный жетон и легонько позвенел о вертушку. Стражник мгновенно очнулся, высунул багровый язык и тяжело задышал.

– Бакшиш нужен. Деньги есть у вас? – вопрос лунатика прозвучал тепло и вкрадчиво, словно от знакомого сутенера.

– У нас командировочные строго под отчет, – отрезал Филон, стискивая в кармане упертый со стола товарища капитана увесистый портсигар с выбитым номером пенитенциарного учреждения. – А в чем юмор?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.